

18+

ТЫ НАС ПОТЕРЯЛ

ИЗМЕНА

ДОМИНАТРИКС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДОМИНАТРИКС

Измена. Ты нас потерял

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69491329

SelfPub; 2023

Аннотация

Моя жизнь крутилась вокруг бесконечных и безуспешных попыток забеременеть. Я так погрузилось в свое горе, что не замечала ничего вокруг. Глаза на предательство самого близкого человека мне открыла любовница мужа, прислав недвусмысленные фото и видео с мужчиной, с которым я была вместе со школьной скамьи. Как теперь жить? Попытаться простить или разорвать все окончательно через боль и слезы? Рискнуть и довериться новым чувствам или вернуться и поверить в очередную ложь, потому что анализы, наконец, показали, что я стану мамой?

Содержание

Глава 1. Алиса	4
Глава 2. Алиса	10
Глава 3. Максим	15
Глава 4. Алиса	20
Глава 5. Максим	27
Глава 6. Алиса	32
Глава 7. Игорь	38
Глава 8. Игорь	45
Глава 9. Алиса	51
Глава 10. Алиса	56
Глава 11. Алиса	62
Глава 12. Алиса	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

ДОМИНАТРИКС

Измена. Ты нас потерял

Глава 1. Алиса

Реву в голос. Смотрю ничего не видящими глазами то на телефон, на котором все нет сообщений, то на пластиковый тест, где вновь всего одна полоска.

“У тебя все хорошо? Почему не отвечаешь?” – набираю дрожащими пальцами.

Он мне так нужен. У меня сейчас просто сердце разорвется от горя. Муж все со своей работой, а я уже который год с этим один на один. Одна на все процедуры, одна на подсадки, будто только мне все это и нужно.

Опять не вышло. Опять всё впустую.

“Занят. Совещание”, – летит в ответ сухое, и я замираю с телефоном и тестом в руках.

Смотрю на часы. Девять вечера. А у него совещание. Очередное внезапное, позднее совещание.

“Может, твой гуляет, Алиска?”, – всплывают слова Зойки в моем отупевшем от слез разуме.

– Просто любит свою работу, – успокаиваю сама себя. – Просто хочет, чтобы мы хорошо жили. Просто на все эти вещи нужно много денег. Убивается на работе, а я тут психую

и истерию.

Забираюсь на диван с ногами, ложусь, сворачиваюсь в позу эмбриона и накрываюсь краешком пледа – знобит ужасно, смыкаю тяжелые, набухшие, горящие от слез веки. Проваливаюсь в беспокойный сон, который почти не спасает от гнетущей реальности.

Телефон кратко вибрирует, и я подскакиваю, хватаю его, открываю какие-то фотки с неизвестного номера.

“С прошлого “совещания” – натыкаюсь взглядом на сообщение.

Что это за ерунда? Номером ошиблись? Зачем мне это?

Листаю чужие интимные фото, морщусь. Почти уже удаляю этот странный спам, когда понимаю, что веселится с этой девкой мой муж. Вот орлиные крылья на левом предплечье. Я каждую черточку этой татуировки помню. Да я затылок его узнаю, не то что другие, более интимные части тела, которые тут во всей красе. Даже не важно, что лица ни на одной не видно.

“Прости, что задержался, Лис. Через пятнадцать минут буду, виноватый смайлик”, – прилетает сообщение.

Набираю его номер (Сейчас все выскажу!), сбрасываю вызов, тут же пишу:

“Прости, случайно набрала. Жду домой”.

Может, это приколы какой. Тупой пранк. Фотомонтаж. Неважно. Мой Максим не такой. Он бы не стал...

Я вытираю слезы тыльной стороной кисти, иду в ванную

умыться – муж не любит, когда я заплаканная. Даже когда у меня жизнь рушится.

Я ополаскиваю лицо холодной водой, подправляю макияж, хоть его впору уже снимать, старательно улыбаюсь перед зеркалом, стараясь прогнать эту скорбную мимику.

Слышу лязг ключей в замочной скважине и иду в коридор. Встречать любимого.

– Лис? Ты где? – ловит мой взгляд, когда я выхожу в коридор. – Привет, детка. Прости, что опоздал на ужин, – протягивает мне букет цветов, целует в щеку. – Разогреешь?

– Здесь, – бормочу запоздало. Всегда здесь уже пару лет, сижу безвылазно, служу мужу, так сказать. – Конечно, разогрею.

Резко отворачиваюсь, касаюсь пальцами того места, которое он поцеловал, подношу к носу, принохиваюсь. Сладкие женские духи. Совсем спятила, да, Лис?

Опять оборачиваюсь, почти сталкиваюсь с ним носами, тяну воздух. Да он навеселе...

– Ты пил? – спрашиваю на автомате.

– Устал, да, – чуть тушуетя он. – Опрокинул стакан перед выходом. Хочешь, зубы почищу?

Почему-то хочется оттолкнуть его, послать, принять ванну с хлоркой. Быстро моргаю – те фото как занозы сидят под веками.

– А что, на совещании были женщины?

– Да ты ж знаешь, у нас старший партнер Виктория Сер-

геевна, – переобувается в тапки, шлепает на кухню. – А что?

– От тебя женскими духами прет на километр, – плетусь за ним.

Достаю из холодильника, тарелку, затянутую пленкой, убираю ее и ставлю в микроволновку.

– Да, она так душится, что у меня даже голова разболелась, – садится за стол, улыбается мне. – Вся переговорная провоняла.

Мой взгляд скользит по нему, сканируя. Рубашка мятая, застегнута не на те пуговицы криво-косо.

– Я ее утром отпарила, – замечаю зачем-то. – Сложные, наверное, были переговоры.

– Я успел в кабинете на диванчике вздремнуть минут двадцать, – озадаченно оглядывает свою рубашку. – Извини, я поглажу завтра сам с утра. Ты стараешься, а я мну. Непорядок, верно.

Погладит? Сам? С моих губ чуть не срывается истерический смешок. Да он сроду не знал, как грязные вещи попадают в шкаф вновь чистыми и наглаженными.

– Один? – вырывается у меня вместе с недовольством, которое перебивает звуковой сигнал микроволновки.

Ставлю перед ним тарелку, кладу приборы.

– Что “один”? – придвигает к себе тарелку, ест вроде бы без аппетита. – Очень вкусно, спасибо.

– Спал, я спрашиваю, один? – не удерживаюсь я. – Я думала, тебе блондинки всегда нравились, – упрекаю, вспом-

нив брюнетку на тех фото.

– Лис, ты чего? – сглатывает так, как будто бы ему кусок в горло не лезет.

– Чего я? – повышаю голос. – А ты спросить меня ни о чем не хочешь?

– М-м-м? – протягивает, явно вспоминая что же должен спросить. – Слушай, я не пойму. Я про блондинок что-то спросить должен? Ты покрасилась? – присматривается к моим волосам. – Ну красиво, что.

– Макс! – ударяю кулаком об стол так, что звенит посуда. – Ты издеваешься? Тебя хоть что-то волнует, кроме твоей чертовой работы? И твоей... – замолкаю, зажимаю себе рот ладонью.

– Слушай, что ты от меня хочешь? – откладывает приборы, отодвигает тарелку.

– Вот, – швыряю на стол тест, который выдернула из кармана халатика, и заливаюсь слезами.

Конечно, забыл. Конечно, ему плевать. Нашел себе другую, которая не такая дефективная и сможет родить.

– Ну... Ну... Лис, ну ничего, – что-то бормочет он. – Ну попробуем еще раз.

– А смысл? – накидываюсь на него. – Третья подсадка, и ничего! Ноль результата. А ты... ты... – опять не набираюсь храбрости сказать.

– Что я? – он поднимается, подходит ко мне, тянется, чтобы обнять. – Может, по старинке попробуем? А? Ну не рас-

страивайся, все получится.

– Пробовали по старинке, – отскакиваю от него как от прокаженного. Будто ему с ней не хватило. А со мной из жалости спит. – Ничего не получится, Максим.

– Детка, ну не падай духом, – снова протягивает ко мне руку. – Давай не будем истерить. Я все понимаю, правда, понимаю. Но слезами тут не поможешь. Давай попробуем еще? Ну и... есть дома малютки...

В кармане халата вновь вибрирует телефон, и я почти вскрикиваю. Достаяю, плююсь в экран. Опять тот номер. Видео на экране идет без звука. Опять она. Ублажает его. А он... Он мой муж. Теперь без сомнений.

Глава 2. Алиса

Я мажу по нему невидящим взглядом, снова смотрю на экран. Не могу остановить этот кошмар и просто вырубая телефон, зажав кнопку выключения сбоку. Роняю телефон на пол, и мне кажется, что он падает и раскалывается об эту плитку целую вечность.

– Я соберу твои вещи, Максим, – проговариваю, и сама не узнаю своего голоса. Противно так, что накатывает тошнота. – Чемоданы из коридора принеси.

– В смысле? – смотрит то на меня, но на разлетевшийся телефон.

– В прямом! – выкрикиваю я. – Ты кувыркаешься со своей Викторией Сергеевной или еще с кем, а из меня дуру делаешь!

Замирает, и я вижу тот самый момент, пока он не взял себя в руки, чтобы солгать.

– Лис, я не понимаю, с чего вообще у тебя в голове этот бред, – делает паузы, подбирая слова. – Давай поговорим?

– Поговорим? – отскакиваю от него как ошпаренная. – Не понимаешь?

Подбираю телефон, смотрю на треснутый экран и понимаю, что точно так же ползет сейчас уродливыми полосами во все стороны и вся моя жизнь. Включаю с грехом пополам и сую ему под нос фотки.

– Вот, – ору сквозь слезы. – Обсудим твои новые любимые позы? Или о чем еще нам говорить?

– Я... Откуда это у тебя?

Листает их туда-сюда. Наслаждается?

– Не знаю, – смахиваю слезы со щек, чтоб хоть что-то видеть. – Какая-то добрая душа решила открыть мне, идиотке, глаза.

– Лис, пожалуйста, давай поговорим, – откладывает телефон. – Я не хочу тебя терять. Я понимаю, как это выглядит. Но это было один раз, я не лгу.

– Что ты заладил со своим “поговорим”? – хватаюсь за голову, сжимаю до боли волосы у корней. – Один раз? Пока я тут пытаюсь забеременеть от тебя, ты кувыркаешься с этой? Неси чемоданы, говорить нам не о чем!

– Я тебя люблю, – умудряется ухватить меня за запястье, притягивает к себе. – Я очень тебя люблю. И я очень виноват, прости меня, пожалуйста. Дай еще один шанс. Я прошу тебя.

– Руки от меня убери, – шиплю я сквозь сжатые зубы, рвусь из его рук. Мне так противно, кажется, вот-вот стошнит. Весь провонял ею. – Катись к ней. Ее люби. Она тебе и родит!

– Я не хочу так, ну, пожалуйста, Лис, прекрати истерику и давай все обсудим, – я вижу, как он растерян, талдычит одно и то же, и ничего нового придумать не может. – Пойдем примем ванну? Давай я сделаю тебе массаж?

– Да меня тошнит от тебя и ее духов, – честно отвечаю я. –

Ты с другой женщиной был, Макс. Ты вообще не понимаешь, как мне сейчас больно?

Наконец, выкручиваюсь из его рук, отхожу к окну и обнимаю руками собственные плечи. Мне вдруг становится зябко посреди теплого сентябрьского вечера, словно в лед закатали.

– Лис, больше такого не повторится, – произносит он прямо за моей спиной. – Дай мне еще один шанс, прошу тебя. Я люблю тебя и очень не хочу тебя терять. Клянусь тебе, ни одна женщина тебя не стоит.

– Не стоит? – опять срываюсь на слезы и крик. Так хочется подскочить к нему и просто ударить. Сжимаю пальцы в кулаки так, что короткие ногти впиваются в ладони. – Любишь? Ты с любовью ко мне с ней развлекался? Понравилось? Наверное, с ней было приятнее, чем с женой, с которой это уже как обязательство?

– Ну просто сейчас период такой, понимаешь? – он старается схватить меня за запястья. – Мы со всем справимся. Я тебя никуда не отпущу, детка.

– Период, – повторяю просто так. – Период такой...

Ноги словно вареные макароны, больше меня не держат. Я сползаю спиной по стене между столом и подоконником. Обнимаю свои коленки, утыкаюсь в них носом и просто реву навзрыд, почти забыв, что он вообще здесь.

– Лис, любимая, прости меня, – присаживается передо мной на колени, стягивает с себя рубашку и отбрасывает в

сторону. Обнимает меня крепко, прижимая к себе. – Я прошу у тебя всего один шанс, милая. Я знаю, как виноват перед тобой. Я клянусь тебе, я люблю только тебя.

Поднимаю голову, смотрю на него вмиг просохшими глазами, которые режет от соленых слез. Какой же он красивый. Красивый, статный, с хорошим чувством юмора... А я... Я бракованная.

– А хорошо, что все так сложилось, – проговариваю спокойно. – Зачем я тебе, милый? Все правильно... Иди к ней. Начинай все сначала.

– Не хочу сначала, – утыкается лбом в мои колени. – Хочу с тобой. Все так сложно, детка. Но это только потому, что я... Ты лучшее, что со мной случилось. Не бросай меня.

– Максим, я не знаю... – смотрю на него такого родного, близкого, но совершенно чужого сейчас. – Ты меня просто оставь сейчас.

– Не прогоняй меня, – обнимает крепко, прижимает к себе. – Не прогоняй, прошу тебя. Я не хочу уходить. Не хочу ночевать без тебя. Пойдем спать. Пожалуйста. Я не могу тебя потерять.

– Пойдем, – отзываюсь обреченно и с его помощью поднимаюсь. – Только смой с себя ее мерзкие духи. Голова от них болит.

– Я все, что хочешь, сделаю, – говорит он, сворачивает в ванную. – Пойдем со мной?

– Не пойду, – бросаю на ходу. – Иди сам.

– Я скоро, Лис, – виновато проговаривает он и закрывает за собой дверь.

Я делаю все то же самое, что и каждый вечер: складываю покрывало, проветриваю комнату. Вот только плачу без остановки.

Ложусь, накрываюсь простынею почти до подбородка и притворяюсь спящей, хотя не могу унять судорожные всхлипы.

Макс возвращается быстро, забирается ко мне, прижимается горячей грудью к моей спине.

– Я люблю тебя, детка.

– Спи, – отзываюсь я, просто умирая от боли, разрывающей грудь. – Просто спи.

Он утыкается носом мне в шею, вдыхает запах моих волос и вскоре действительно засыпает так же, как и каждый вечер, сжимая меня в объятиях и дыша моим ароматом.

На полу вибрирует мой разбитый телефон, на экран выскакивает сообщение: “Ну ты и дура”.

Глава 3. Максим

Целую ее перед уходом на работу. Притворяется, что спит, но я не хочу ее дергать. Чудо, что она не выпроводила меня сразу. Нам обоим нужно время, чтобы все пережить. Да что переживать-то, а? Я офигенно лоханулся. И теперь надо это как-то разруливать. Разводиться с Лис я не хочу. Но и так жить тоже. Все вертится вокруг единственной ее цели, которую я поддерживаю, да. Но, черт, я хочу просто хотя бы иногда видеть, как она улыбается, веселиться с ней как раньше, заниматься сексом не по расписанию, как это происходит последние четыре года...

Я хочу жить. Жить и радоваться каждому дню с ней, а вся наша жизнь превратилась в разговоры об овуляции и постоянные слезы. Слезы, слезы, слезы... Их так много, что я в какой-то момент перестал их замечать, перестал жалеть ее, потому что это было больше не что-то из ряда вон выходящее, а наша реальность, ее нормальное состояние. Тогда я впервые подумал о разводе. Только... Как уйти от человека, которого ты любишь по факту со школьной скамьи? Как уйти от любимой женщины, которая разваливается на части, и ты ничего не можешь с этим сделать? Уйти и добить ее? Или остаться и добить себя?

Мысли скачут как блохи, виню себя за то, что сделал и за то, что не ушел раньше. И, как ни парадоксально, и за то, что

сейчас зачем-то остаюсь.

В кабинете мне трудно сосредоточиться. Все кажется, что сейчас войдет Вика. А я боюсь, что не смогу сдержаться и наорать. Она слишком все усугубила. Слишком задела мою жену. Что бы я ни чувствовал к ним обоим, но с женой я прожил уже немало, она родной мне человек. А Вика... Оказалась рядом, когда я сорвался, и пригласила так кстати в этом отрыве.

Дверь отлетает в сторону, и она, как всегда, входит без стука. Утыкаюсь в бумажки. Слышу, как скрипит кожаная юбка, которая туго обтягивает подтянутую задницу, и ощущаю ее духи. Ох, какие же она приторно-сладкие.

Подходит к моему столу, нарочито громко стуча высокими каблуками, облокачивается на столешницу, засветив аппетитное декольте. Поглаживает пальчиками мою руку, обходя обручальное кольцо.

– Ты меня избегаешь, что ли, Максик? – проговаривает плотным грудным голосом.

– Ты зачем это сделала? – отъезжаю от нее на офисном кресле. – Позабавилась? Молодец. Все кончено, Вика.

– Что сделала? – удивленно вскидывает крутоизогнутую бровь. – Сделала тебе хорошо? И что кончено? У тебя жар и бред, что ли? – ее тон все более насмешливый.

– Никаких больше «хорошо», – смотрю на нее и все больше сатанею. – Ты расстроила мою жену. И я не хочу это продолжать. Переведи меня в другой филиал и останемся про-

сто знакомыми.

– Ой, ой, ой, – усмехается она. – Расстроила твою жену. Милый, – обходит стол и останавливается почти рядом со мной, – твоя жена расстроится еще сильнее, когда я переведу тебя на биржу труда. Ей нужен безработный изменщик на диване, а? – поддевает мой подбородок длинным ногтем.

– Ты мне угрожаешь? – хмурюсь и не сдерживаюсь. Хватаю ее за горло, вскакиваю и впечатываю затылком в стену.

– Пусти, – хрипит она, обдирая своими ногтищами мои запястья. – Пусти.

– Не смей этого делать, ты поняла меня? – рычу ей в лицо. – Не смей хоть как-то контактировать с моей женой.

Отпускаю ее.

– Как у вас там с детишками? – спрашивает вдруг, откашлявшись. – Заделали уже?

– Тебя это не касается, – отдергиваю руку, смотрю на царапины. Надо счесать побольше об стол, что ли.

– Касается, – достает из кармана блузки что-то маленькое, кладет на стол передо мной. – А вот у нас с тобой все получилось. Как думаешь, твоя жена сразу тебя погонит или даст собрать вещички?

Смотрю на тест с двумя полосками, и все вокруг темнеет. Ну нет же. Этого не может быть.

– Иди, делай аборт, – немеющими губами проговариваю я. – Я не женюсь на тебе, если ты к этому ведешь.

– Аборта не будет, дорогой, – поджимает ярко-накрашен-

ные губы. – Да и предложение мне твое не нужно. Меня все устраивает. Давай заключим сделку. Ты продолжаешь играть в семью со своей любимой клушей, продолжаешь работать в головном офисе, но и у нас все остается как есть. Или развод, биржа труда и алименты.

– Зачем тебе это надо? – я поражаюсь, злюсь на себя за то, что вообще начал этот бред. – Вика, ты ж красивая баба. Ну найди себе другого, такого, кто и замуж позовет, и любить будет тебя, а не какую-то там, как ты говоришь, “клушу”.

– Я так хочу, – невесомо касается губами моей скулы. – Тебя хочу. Мне нравится, как ты меня любишь, а муж дома с его нестираными трусами мне не нужен в принципе. Плавала уже. Так что оставляем все как есть. А если еще раз так сделаешь, – касается красных отметин на шее, – то сниму побои и напишу на тебя, Максик, заяву.

Хватаю со стола чистый лист, пишу заявление по собственному, подсовываю ей.

– Подписывай.

– Ты понимаешь, что твоя Алиса про нашего ребенка узнает в ближайший час, если я это подпишу? – шипит, прищурившись. – Пожалел бы свою болезнь.

– Я понятия не имею, чей это ребенок, – хочется ее придушить сейчас же. – Биржей труда мне грозила? Давай, чего ты? Разводом? Прекрасно! Тогда мне не придется оставлять все как есть. И ты никогда меня больше не увидишь. Давай, Вика, сделай все, что можешь, и развяжи мне руки.

– Я пришлю твоей жене ДНК-тест, – выкрикивает в ответ. – Ребенок твой, Максик, так что... И есть еще моментик. Развод и биржа труда тебя не пугают, а зону топтать готов? У меня есть доказательства всех твоих финансовых махинаций за моей спиной.

– Нет никаких махинаций, ты блефуешь, – фыркаю я.

Хватает телефон, роется там, что-то приближает пальцами и сует его мне под нос:

– Любуйся, Максик, – издевательский тон взвывается ввысь. – Ты не только неверный муж, но еще и проворовался весь. Ой, как нехорошо. Будешь со мной, как и сколько я захочу.

Смотрю на таблицы, счета, все “доказательства”. Сжимаю челюсти и замахиваюсь, вовремя себя останавливаю. В ушах стучит адреналин, в голове крутятся цифры. Да ну нет же, блядь, как я мог так попасть?!

– Ты меня подставила! – задушить бы ее. Задушить и все.

– Ты сам себя подставил, – фыркает она. – Напиши своей убогой, что будешь поздно. У меня на тебя планы.

Глава 4. Алиса

Перематываю снова, ловлю тот самый момент, всматриваясь в наши лица. Ну вот же оно. Мы реально счастливы. Свадьба была такая веселая, и нам все говорили, какая мы с Максом красивая пара.

Нажимаю на паузу, опять тру под глазами бумажным платочком, так отчаянно, что кожа уже болит и горит. Не знаю, зачем весь день смотрю на репите наше свадебное видео. Думала, что посмотрю, все вспомню и прощу. Но нет, не работает так. Вижу не нас, а его с этой бабой.

Виноват, ага. Изменщик, предатель... А я что? Ребенка ему так и не родила. Так еще и забила на все: на него, на нас в погоне за этой мечтой с крохотными ручками и его глазами. Моей, да. А он просто хочет жить, наверное. А я не даю ему этой жизни.

Слышу шум в прихожей, быстро захопываю крышку ноутбука.

Не заходит. Пошуршал чем-то и затих.

– Макс, – зову я, пересилив себя. Встаю и иду туда, на ходу приглаживая растрепанные волосы.

– Привет, – стоит, прислонившись затылком к двери. Сумки на полу.

– Привет, – киваю я. – Ты чего?

Как же больно... Говорить с ним. Даже просто смотреть.

Вести себя как ни в чем не бывало.

– Поживу у родителей, Лис, – проговаривает он. – Работы нет пока. И не знаю, как дальше с ней будет, но ты не волнуйся, я что-нибудь придумаю, ты не будешь ни в чем нуждаться.

– Я и сама могу работу найти, – пожимаю плечами, внутри себя радуясь, что вероятно, он ее послал, раз с работы попросили. – Квартира большая, оставайся.

– Если честно... – мнется он, раньше рассказывал мне все. – Проблемы начнутся. Походу, большие. Но я не делал ничего, клянусь тебе.

– Ты о чем вообще, Максим? – у меня сердце кровавым комом бухается куда-то в желудок. – Чего ты не делал?

– У нее документы. Вроде я воровал. Скорее всего, они уже полетели в прокуратуру, – закусывает губу. – Прости меня.

– И ты меня, – вдруг говорю я, словно вернувшись из своего заикленного оцепенения. – Ты есть хочешь? Сейчас что-нибудь приготовлю.

– Не нужно, детка, – мягко улыбается уголками губ. – С обысками придут, скажи, что не живу здесь больше. Подставил тебя, обидел... Прости, но может быть, твой организм раньше нас обоих знал, какой хреновый из меня вышел бы отец. Прости.

– Глупости не говори, – выдаю я нервно, хватаю его за руку. – Пускай приходят со своими обысками, нам скрывать

нечего. Сам знаешь, одни мои вечные коты и прочие животишки. Пошли, яичницу сделаю.

– Не все сказал, – говорит он, все так же не приближаясь ко мне.

– Ты, что, убил кого? – чувствую, как холодеют кончики пальцев. – Ты меня пугаешь, Максим.

– Она сказала, что расскажет тебе о своей... беременности.

– О чем? – переспрашиваю осипшим голосом и стекаю по стене на пол – просто ноги не держат. – Беременна. Значит, это со мной все не так.

– Да ни черта она не беременна, – злится Макс. – Просто лучше от меня узнаешь. А то она расскажет так, что...

– И что ты будешь делать, если она реально беременна? – сжимаю горячие виски пальцами. – Бросишь своего ребенка?

– Я не хочу этого ребенка. Я не хочу ребенка от нее. Мне жениться теперь на ней? Нет уж. Найду работу, буду платить алименты. На этом все.

– Хочешь или не хочешь, а ребенок у тебя уже есть, – с трудом встаю на ноги. – Если женишься на ней, то проблем с работой и законом не будет, да?

– Нет, – он злится от этих разговоров. – Нет у меня ребенка. Мы, что, на Кавказе, только в обратную сторону? Это репродуктивное насилие называется. Не может она быть беременной, я не идиот, Лис.

– Не идиоты предохраняются, – горько усмехаюсь.

– И я о том, именно это и имею в виду.

– Так ты с ней предохранялся? – боже, как же мерзко в этом копать.

– Ну конечно, – фыркает он. – Черт...

– Хоть на этом спасибо, – смотрю на него и не злюсь. Жалко. И стыдно за себя... – Пойдешь есть?

– Лис... – он обрывает себя, кивает, плетется следом.

– Макс, – начинаю я, разбивая яйца в раскаленное масло, – я не смогу так сразу тебя простить, но и бросить в такой момент не могу. Ты же мне не чужой.

– Я это понимаю. Очень понимаю, – опускает лоб на ладони, массирует его.

– Как мы до этого докатились, а? – вопрос в открытый космос.

Я же была с ним счастлива. Он столько для меня сделал: дал возможность сидеть дома и заниматься любимым делом.

– Ты плакала все время, – неожиданно отвечает он. – Так хотела ребенка. А я не мог сказать прямо, что больше всего хочу тебя, а не какого-то ребенка, которого я вообще сначала не понимал, зачем нам заводить. Так же хорошо вместе, вдвоем. Пару лет пытался проникнуться этой идеей, и, знаешь, получилось. А беременности все не было. И я говорил много, но, походу, все не то, потому что ты не успокаивалась. И все становилось только хуже. А потом стал бухать после работы в кабинете. Не мог идти домой, потому что и жить

в этом уже не мог, и сделать ничего не мог и... уйти тоже. Потом она пару раз со мной просто поговорила по душам, пока я бухал. Пару месяцев назад все началось. Вот так вот.

– Я просто хотела, чтобы у нас была полноценная семья, – снимаю сковородку с огня, жгу руку маслом и игнорирую боль. – Давай честно, Макс. Ты хочешь развестись?

– Хотел одно время, – пожимает плечами. – Казалось, что так всем проще будет. Не смог.

– Из жалости не смог? – сажусь на стул напротив него, кладу локти на стол и обжимаю пальцами голову. – Мне плевать на твои проблемы, то есть они меня не пугают. Но быть со мной из тупой жалости не надо.

– Да потому что не знаю вообще, как без тебя, поэтому и не смог, – стучит вилкой по столу. – Я не знаю, как без тебя, Лис. Я всю жизнь с тобой. Не знаю, как по-другому. И знать не хочу.

– Может, в этом дело? – улыбаюсь ему через силу. Лучше бы отпустить и не делать дальше больно ни себе, ни ему. – Может, тебе просто нужен кто-то другой, а ты не знаешь об этом, потому что в твоей жизни была только я?

– Нет, – качает головой. – Мне нужна ты. Чтобы все... как раньше, до всего этого. Мы же были счастливы несколько лет назад. Я хочу быть счастливым с тобой.

– Макс, – тянусь к нему и не решаюсь коснуться. Просто кладу свою руку рядом с его, – не будет уже как раньше. Просто не будет.

– Знаю, – смотрит в тарелку, сжимая челюсти.

– Что будем делать? – кладу подбородок на сложенные на столе руки, смотрю на него. – Не будет как раньше, и не понятно, что там за поворотом.

– Я не хочу расставаться, – проговаривает он.

– И я, – выдыхаю в ответ. – Только мне даже смотреть на тебя тяжело. Все время вижу те фото и видео.

– Понимаю, детка, – тоже тянется ко мне рукой, и тоже застывает на полпути. – Я уйду. Все будет хорошо.

– Не уходи, – все же хватаю его за руку. – Я...

– Я люблю тебя, – Макс судорожно вздыхает. – И я жесь какой идиот. Посплю на диване. Не волнуйся только. Насколько это возможно, конечно.

– Мне жаль, что так, – ком в горле мешает нормально говорить. – Мне жаль, что я так с тобой поступала. Я постелю тебе в зале. Прости, не могу пока в одну постель.

– Тебе не о чем... Это я до тебя не дорос, – усмехается. – Давай сам, отдыхай.

– Хорошо, – киваю я. – Доброй ночи.

Не жду ответа, ухожу. Так спешно, словно бегу от него. Переодеваюсь, ложусь в постель, прислушиваюсь к звукам из зала.

Сворачиваюсь под одеялом комочком и беззвучно реву. Так хочется пойти к нему. И бежать прочь из квартиры тоже хочется.

Телефон коротко вибрирует, и я беру его уже с опаской.

“Уйди сама. Это мой человек, и я все равно добьюсь своего. У тебя три дня. А потом я заявлю на него по поводу мошенничества, изнасилования и избиения. Порти жизнь ему дальше, только он узнает, какая она твоя любовь”.

Глава 5. Максим

Встаю утром пораньше. Такое чувство, что вообще не спал. Настроение отвратительное: что-то среднее между нервным ожиданием, когда в дверь постучат дяди в форме, и давящим чувством вины перед Алисой.

Хочется все вернуть. Стереть из нашей жизни всю эту дичь. Убрать тот день, когда Вика пришла впервые. Уничтожить момент, когда она встала передо мной на колени, а я не ушел домой. И ничего бы этого не было. Или было бы? Все равно бы все рушилось. Потому что я не знал, что делать, и слишком мало делал для того, чтобы узнать.

Хочется сделать Лис приятно. Не простит, я знаю, но, может, хоть будет хотя бы чуть меньше плакать. Я знаю, что она плачет. Слышал. Впервые за месяцы захотел ее пойти и пожалеть, но знаю, что даже этого я не заслуживаю.

Собираюсь быстро и бегу в магазин неподалеку за ее любимыми герберами. Вспоминаю, как познакомились: она перешла к нам в седьмой класс, и за ней бегали все мальчишки. И я тоже бегал. А в девятом я подарил ей первый букет. Она отхлестала меня им по морде, потому что я не умел нормально изъясняться и сказал что-то вроде: “Вот красивая метла для такой же ведьмы”. Она была всегда раньше доброй, но с огоньком. Может, я сам потушил в ней этот огонек?

Прихожу домой, а она мечется по квартире. Растрепанная

со сна, такая привычная, такая родная. Улыбаюсь помимо воли, назло своим мыслям и давящим чувствам.

– Я думала ты ушел... – бросается мне на шею, обнимает почти как раньше. Прижимаю ее теплую к себе. – Не хочу...

Зарываюсь носом в ее волосы, дышу шумно в шею. Как скучал по ее запаху. Когда последний раз у нас что-то было? Какая же я скотина. Я же отвоевал ее у всего мира. Как я мог об этом забыть?

– Я за цветами ходил, – шепчу ей в ухо, вспоминаю ту старую фразочку: – Красивая метла для такой же красивой ведьмы.

– Ты помнишь, – всхлипывает она, забирая у меня букет, перевязанный ленточкой. – Помнишь... Я так скучала, – прижимается губами к моей шее. – Ты блинчики хочешь? Сто лет их не пекла.

Хочу не блинчиков, но разве могу сейчас ей это сказать? Разве что получить герберами по морде снова. Хотя заслужил.

– Я скучал, – проговариваю, прижимая ее еще крепче. – Такой идиот... Самая красивая. Самая нежная. А я конечный урод. Хочешь, отходи меня герберами?

– Нет, – отпускает меня, а мне так не хочется терять ее тепло. – Цветы жалко, живые же, больно им. Клетку у шиншиллы убери. Пойдем завтракать, – сплетает наши пальцы.

– Да, сейчас убегу, – киваю, иду к одному из наших питомцев. Алиса готова всех собрать дома. И собрала бы, если

бы был свой дом. А я так и не купил. Может быть, ей вообще воздух этот не подходит? Может, где-то в другом месте у нас получилось бы?..

– Попозже, Макс, – мягко проговаривает. – Давай притворимся, что время перемоталось на пару лет назад. Не хочу думать о нас таких, какие мы сейчас.

– Совсем перемоталось? – сглатываю, не намекаю нет, просто...

– Медленно перемоталось, – шепчет мне в губы. – Я хочу... знаешь, но не могу...

– Да, я понимаю, да, – чуть дотрагиваюсь кончиком носа до ее щеки. – Я просто... Я не к этому.

– Просто я мужчин других, кроме тебя, не знала, – внезапно отворачивается. – И ты был только мой, а теперь... Господи, прости, я пытаюсь забыть, я очень стараюсь...

– Ты что, тебе не за что извиняться, – замираю в сантиметре от нее. Так близко и так далеко. Сам во всем виноват.

– Я превратила наш дом в ад, в который тебе не хотелось возвращаться, – я вижу, как вздрагивают ее плечи, как наклоняется вперед голова. – Мне так жаль, что все так... Что все испорчено.

Не удерживаюсь, сгребая ее в охапку. Как хочется, чтобы она ответила, чтобы хоть когда-нибудь сможет смотреть на меня без брезгливости, без боли во взгляде. Прижимаю спиной к своей груди.

– Ты что, ты что, детка, – целую ее в висок, в волосы. –

Нет, ты ни в чем не виновата. Я должен был говорить с тобой. Должен был говорить так, чтобы ты поняла. Должен был сам понять. Я... много чего не сделал, чего должен был. Прости меня. И сделал то, чего не должен был делать. Сумасшедший парадокс, который я не знаю, как теперь решать.

– Я так хотела родить тебе ребенка, – прижимается ко мне, не вырывается. – Так маниакально хотела... А теперь это уже никому не нужно.

– Мне нужно, – я знаю, что она не поверит. Не заслужил. Но я понимаю, что она единственная женщина, от которой я бы хотел детей. Ни от кого больше. «...а потерявши плачем», вспоминается вдруг расхожая фраза. – Мне очень нужно, но я все понимаю.

– Макс, а может, не просто так тебя потянуло к другой женщине, здоровой. А я бракованная какая-то.

Конечно, не просто. Вискарь хорошо так помог.

– Не говори так. Не говори, – переплетаю наши пальцы. – Сейчас скажу грубую и ужасную вещь, но мне в целом дети, если не от тебя, не нужны. Вот такой я эгоистичный мудака.

– Я тоже не представляю, что рожу от другого. Ясно, что дело во мне, но я бы хотела, чтобы у моего ребенка были твои глаза, – проворачивается в моих руках, кладет голову на грудь, слушает, как стучит мое сердце. – Останься сегодня на весь день со мной.

– Останусь, – от ее близости вдруг, как раньше, ускоряется пульс.

– А пойдём в кино? – просит жалобно, и я физически чувствую, каких усилий Лис стоит держать себя рядом со мной.

– Пойдём, куда захочешь, – отпускаю её нехотя.

Пошатывается, опирается рукой о стену, смотрит на меня расфокусированным взглядом.

– Лис? – подхватываю её за талию. – Тебе плохо, детка?

Кивает и обмякает в моих руках, отключается, становится как кукла.

Адреналин ведрами выливается в кровь, поднимаю её, быстро несущую на диван.

– Эй, девочка моя, – набираю скорую, пальцы не попадают куда нужно, руки трясутся. Что ж я наделал! – Детка, очнись, пожалуйста, – прикасаюсь к её щекам, жду ответа оператора.

Её ресницы подрагивают, но она в абсолютной отключке, не реагирует на меня. Мне становится так страшно, что горло перехватывает металлической рукой.

– Лис! – беспомощно выкрикиваю я.

Глава 6. Алиса

– Я точно не беременна? – спрашиваю я доктора, поморщившись из-за боли в руке, которую сильно сдавливает манжета тонометра.

– Точно нет. Можете не волноваться, – зачем-то добавляет он. – Просто устали. Витаминов не кушаете, на воздухе не бываете, да?

– Я и не волнуюсь, – проговариваю разочарованно. Я просто опять потеряла надежду. Я думала, мне все равно, что больно уже не будет, а нет... Все так же жжет в груди. – Бываю, витамины пью. Могу идти?

– Да, конечно, – заполняет какие-то последние бумажки. – Ваш муж говорил, зайдет. Подождите, пожалуйста, в коридоре.

– Угу, – киваю и поднимаюсь, выхожу за дверь и иду по больничному коридору.

Хочется на воздух. Хочется прочь из города. Прочь от него. И от себя. От своей дефективной беспомощности.

Выхожу из больницы и сгибаюсь пополам, пытаюсь хоть немного сдерживать боль, которая разрывает солнечное сплетение. Не хочу, чтоб он приезжал. И в то же время так хочу ухватиться за него, потому что другой точки опоры просто нет. Есть только пара подруг и мои животные, но это я для них опора...

– Пошли уже, сколько можно? – мужской голос раздаётся совсем рядом.

Поднимаю голову и вижу высокого мужчину в джинсах, кожанке, с очень короткой стрижкой и совершенно прямой спиной. Напротив него идеальный немец. Корпус, лапы, стоячие уши. У хорошего заводчика брал, точно.

– Ты мне всю душу вымотал уже, – продолжает увещевать его мужчина. – Кто тебе сказал, что тебя не пустят? Не выдумывай, а? Пошли уже. Делать мне нечего тут с тобой, кроме, как вести философские беседы.

Пес только склоняет голову набок, внимательно слушает мужчину.

– Я расскажу все, ты понял? – опускается до угроз и тычет в собаку пальцем. – И угадай, что будет?

Пес вздыхает, поднимается и все же идет к мужчине. Тот удовлетворенно оборачивается, видит меня и ойкает.

– Я, если что, не сумасшедший.

– Просто методы дрессуры у вас специфические, – прыскаю со смеху. Тоже хороша, городская сумасшедшая.

– Кто дрессирует? Я? Да ну что вы, – отмахивается он. – Рой – друг, за дрессуру и схлопотать можно.

– Куда вы его зазываете? – во мне вдруг просыпается любопытство. – Ой, извините, лезу не в свое дело.

– Да нет, нормально, – улыбается мне мужчина. – Свидетель у нас тут лежит. Допрашивать идем. А как без Роя допрашивать? Никак.

– Вы полицейский? – продолжаю засыпать его вопросами, пытаюсь убежать от собственных мыслей.

– Нет, сектант, – серьезно говорит он. – Там тоже свидетели. Да шучу я, что вы, – смеется мужчина, видя мое вытянувшееся лицо.

– Я, видимо, сегодня туплю, – смеюсь сама над собой. – Вы не похожи на сектанта. Не буду больше вас с Роем задерживать, – протягивая к псу руку. – Будь хорошим мальчиком, ок?

– Ну вы обижаете его, он уже мужчина в самом расцвете сил, – хмыкает полицейский. – А меня Игорь зовут, – протягивает мне руку. – Вы чего тут сидите?

– Алиса, – жму его руку, и меня обволакивает каким-то особым уютным теплом. – Я тут жду му... Одного человека.

– Замужем, значит? – его улыбка чуть грустнеет.

– Хм, – смотрю на свое обручальное кольцо. – Официально да, на самом деле... Боже, я не знаю, зачем вообще вам это говорю.

– Работа у меня такая, – снова улыбается шире. – Мне все что-то говорят.

– Ага, располагаете, – киваю я. Его улыбка кажется мне тоже очень теплой, словно глинтвейн в холодный день. – Простите, что задержала вас с Роем, а вы при исполнении.

– Рою нравится задерживаться, – он оглядывается, словно в поисках чего-то. – А вы будете против, если мы с Роем пригласим вас на кофе?

– Прямо сейчас? – спрашиваю вместо отказа.

Алиса, ты чего? Ты замужем, Макс сейчас приедет, и проблем у тебя хватает. Но его улыбка... за ней хочется идти.

– А вы сейчас пойдете? – снова лукаво прищуривается Игорь.

– Нет, сейчас не могу, – стыдливо прикрываю кольцо на пальце другой рукой.

– Значит, когда сможете, – пожимает плечами он.

– Хорошо, – киваю, понимая, что больше мы никогда не увидимся, и вообще он пригласил меня куда-то только из странной вежливости. – Удачного вам с Роем допроса, – глажу пса по голове.

– А как мы с вами свяжемся, когда вы сможете? – снова хитро улыбается страж порядка.

– Запишите мой номер тогда, – предлагаю, чтобы не казаться невежливой.

Выуживает из кармана джинсов кнопочный телефон, смотрит на меня выжидательно.

Диктую номер на автомате. Один из того миллиона случаев, когда мы записываем чей-то номер и сразу же забываем человека – так для галочки, чтоб отмахнуться.

На мой номер сразу же прилетает подмигивающий смайлик.

– Не обманули, – улыбается Игорь, когда мой телефон коротко пиликает.

– А что, бывает обратное? – улыбаюсь, смотря в его лу-

чистые глаза. На радужках то и дело вспыхивают и угасают золотистые искорки.

– Всякое бывает, жизнь же, – поджимает губы он. – Ладно, пойдём мы. Наша служба и опасна, и трудна, так сказать.

– Пока, Рой, рада была знакомству, – в последний раз глажу крупную голову пса. – И с вами тоже.

– И пока, Игорь, – подсказывает мне он.

– Пока, Игорь, – проговариваю, краснея как помидор. Вот же дура.

– Пока, Алиса, – поднимается по лестнице, скрывается за дверь, следом скрывается хвост Роя, а мой телефон опять сигналил:

“У тебя очень красивые глаза. Не грусти;)”

– Лис? – Макс выходит на порог больницы. – Потерял тебя. Ты как? Лучше?

Потерял меня. Ага, наверное, реально так. А я теперь как та самая знаменитая тетка, бесконечно падающая в жуткую кроличью нору.

– Лучше, – отзываюсь я, вновь почувствовав тупую боль в груди. – Поехали?

– Поехали, конечно, – он берет меня за руку, переплетает наши пальцы. – Тебе бы отдохнуть.

– Я постараюсь, – отвечаю на автомате, начиная злиться на него.

Как Макс представляет себе мой отдых? От этого кошмара и секундочки не отдохнешь.

Пи-лим!

Достаю телефон, смотрю на экран: “Кофе завтра в 12:00. Идет?))”

– Опять... она? – нервничает Макс.

– Нет, – поворачиваю телефон так, чтобы он не видел экран, пишу ответ: “Идет)”. – Это по Глаше. Опять обострение, нужно оперировать, снова чистить.

– Бедная Глаша, – вздыхает он. – Когда же ей найдется хороший хозяин.

– Ее бы вылечить сначала, чтобы нашелся, – раздражаюсь. – Больные и неполноценные никому не нужны. Я поеду завтра, помогу. В двенадцать. На пару часов.

Глава 7. Игорь

– Сюда с собаками нельзя, – говорит мне официант, увидев на пороге кафе нас с Роем.

– Пойди переспроси у хозяина, – улыбаюсь я, жестом зову пса за собой.

Мы с Роем очень помогли однажды владельцу этого заведения, а именно доказали, что он не убивал свою жену. Жену мужик и правда не убивал, и вообще очень расстроился из-за ее кончины. Так что мы с Роем не смогли пройти мимо. Теперь тут мне подают самые вкусные ребрышки, а Рою оставляют лучшие куски мяса. Этот паренек новенький, видать, не знает про местную достопримечательность с мокрым носом и хитрым взглядом.

Сажусь за столик, за которым всегда обедаю. Смотрю на часы, грустная девушка Алиса скоро бы должна уже подойти.

Есть мысль, что я сделал чего-то неправильно, когда позвал ее. К тому же... У меня есть некий туз в рукаве, которым неподготовленных женщин я режу по горлу, и свидания заканчиваются. Но и скрывать такой козырь я не стану. Надо было раньше сказать, может, и не тратил бы ее время, да и свое тоже. Да и муж еще этот, который точно есть в наличии. Но не отшила ж она меня сразу, верно?

– А-у, – отзывается Рой.

– Ну вот и я ж о том, – треплю его за ухом, радуясь под-

держке. – Был бы прям сильно муж, она б послала меня, и все. А так согласилась же, да? Ты только морду мокрую ей на колени не клади. Веди себя прилично, лады?

– Простите, – тот же официант подходит уже с миской воды и мясом для Роя. – Вы будете сами?

– Нет, – вижу, как за витринным окном притормаживает Алиса, оглядывается, смотрит на вывеску. Красивая женщина. Несмотря на какую-то скорбь во всем ее виде. – Вон моя спутница, – указываю на нее официанту. – Удивите, пожалуйста, девушку чем-нибудь... этаким.

Входит в кафе, кутаясь в какое-то подобие длинной вязаной кофты, останавливается, осматривает зал и, заметив меня, торопится к столику. Зависает рядом со стулом напротив моего, словно не зная, что делать.

Вскакиваю, ну что ж я не джентльмен, блин? Улыбаюсь во все тридцать два.

– Привет.

– Привет, – старается не отводить глаза, морщит лоб, словно вспомнив что-то, и дергаными движениями стаскивает свою кофту. Под ней платье насыщенного василькового цвета, не пошное, все скрыто, но красиво подчеркивающее тонкую талию и округлые бедра. Кидает кофту на спинку стула и садится, гладит Роя. – Привет, большой, важный мальчик. Кто тут у нас такой красавчик?

О, вот она тоже с козырей зашла, Рой обожает, когда его хвалят, секунда – и гроза всех преступников будет валяться

на спине у ее ног и требовать, чтоб ему чесали животик.

– Ты поосторожнее с ним, он падок на комплименты, – усмехаюсь я. – Платье очень тебе идет. Глаза с ним ярче.

– Спасибо, – робко улыбается. – Игорь, слушай, я замужем и интрижек не ищу, – старается на меня не смотреть. – Господи, я даже не знаю зачем пришла... Просто... все сложно.

Все же замужем... Ладно. Ну давай, расскажи мне про своего мужа, и там уже разберемся, буду ли я настаивать на продолжении. Или все же правильнее будет отойти в сторону и не рушить семью.

– Тогда давай просто поедим, – пожимаю плечами. – Это же не проблема? Если не будешь ко мне приставать, то я так и быть, угощу тебя чем-нибудь вкусным.

– Не буду, – прикрывает рот рукой, чтоб я не увидел, как она улыбается моей шутке. – Мне так неловко, ты, наверное, рассчитывал на другое.

– На что «другое»? – прищуриваю глаза. – Я рассчитывал на хорошую компанию. Так что, вроде бы пока все сходится с моими ожиданиями.

– Разве Рой – недостаточно хорошая компания? – вскидывает брови, чешет этого подлизу за ухом, а он кладет тяжелую морду ей на колени.

– На Рое отвратительно смотрятся такие платья, – смотрю, как к нам спешит официант. – И иногда мне хочется говорить с собеседником на одном языке. Языковой барьер, знаешь ли...

– Да, наверное, – отвечает рассеянно. – Но после недавних событий я бы предпочла остаться и общаться только со своими животными. Хотя я, наверное, так себе собеседница.

– Что мешает остаться... и общаться только с твоими животными? – оглядываю заставленный тарелками столик. А вот и мои ребрышки.

– Сама не знаю, – вскидывает на меня такие же васильковые, как и ее платье, глаза. – Жаль стирать все хорошее, что было. Да и я так себе жена была последние... даже не скажу, сколько лет.

Так... Так себе жены, к сожалению, – мой профиль.

– У меня есть дочь, она живет со мной после развода, – зачем-то говорю я.

– Дети – это прекрасно, – грустнеет, и, кажется, я вижу слезы в ее глазах. – Так здорово, когда они есть.

– Да. Здорово, – соглашаюсь я. – Только я мало времени ей уделяю. Не всегда могу даже со школы сам забрать. Так что, я так себе папа.

– Главное, что она у тебя есть, – улыбается через силу, комкает в пальцах салфетку. – Это, конечно, не мое дело, но почему твоя дочка живет с тобой, а не с мамой?

– Хм... – сложный вопрос. И я не люблю говорить плохо про бывшую жену. – Ее мать много работает. Даже больше, чем я.

– Кем работает? – вопрос просто для поддержания разговора. – Если бы у нас был ребенок, я бы не променяла его

на работу.

– Если бы был у вас с мужем? – привычка вести допросы делает свое дело.

– Угу, – опять морщится, тема ей явно неприятна. – Но, кажется, об этом уже можно не расстраиваться.

– Моя бывшая жена – старший партнер в одной юридической фирме, – снова меняю я направление беседы. – У нее хорошо это выходит. Быть родителем иногда сложнее, чем быть успешным человеком.

– Ага, сложнее, – явно раздражается. – С ребенком мороки много, а на такой должности все развлечения прямо в офис. Все, так сказать, тридцать три удовольствия... Простите, что я несу...

– Мы же вроде на “ты”? – спрашиваю с улыбкой.

– Ох, да, верно, – роняет лицо в ладони, потом поднимает голову и смотрит на меня с какой-то, что ли, мольбой. – Игорь, я... не знаю, что сказать. Не знаю, зачем я здесь. И вообще без понятия, что делать дальше со своей жизнью. С ним... С этой Викторией Сергеевной.

Закусываю щеку. Забавно, да. Как тесен мир, однако. Конечно, я могу ошибаться, но не думаю, что это тот случай.

– Расскажи, когда он изменил тебе? – словно ничего такого не спрашиваю.

– Он говорит, что это началось пару месяцев назад, – подпирает щеку ребром ладони, и я вижу, как гаснет яркость ее глаз, как их заволакивает серым. – Может, они и дольше. Не

знаю... Я не догадывалась ни о чем... Мне просто было не до него. А пару дней назад она прислала мне фотки, видео...

Вполне в ее стиле, что уж там.

– А как зовут твоего мужа?

– Макс, – выдыхает с болью. – Максим. Он у нее главбух.

– М-м. Действительно, удобно, – улыбаюсь ей снова, я уже все переболел. – Ты чего не ешь? Повар здесь прекрасный, старался.

– Мне так плохо, – пододвигает к себе первую попавшуюся под руку тарелку. – Я не могу есть, спать... А она все шлет мне сообщения.

Ага. И мне шлет. Просто, чтоб не расслаблялся.

– Давай наперегонки? – подмигиваю ей. – Кто быстрее съест, может задать один самый-самый неприличный вопрос, который только возникнет в голове. Один, конечно.

– А Рой участвует? – улыбается она, берет вилку. – Думаю, он точно будет победитель.

– Рой уже все сожрал, так что все, не в игре, – смотрю на обиженную собачью морду.

– Тогда только мы, – наконец подносит вилку ко рту. – Дашь фору?

– Придется, – улыбаюсь я. – Моя топка явно поскорее работает.

Загорается и издает краткий сигнал ее телефон на столе. Она не открывает сообщение, просто читает бегущую строку сверху. И я тоже выхватываю кусочек по привычке: "...Буду

поздно. Люблю.”

Смахивает сообщение, переворачивает телефон экраном вниз и растерянно смотрит на меня.

– Ну что, погнажи? – делаю вид, что ничего не понял.

Она трет пальцами лоб, словно пытаюсь опять вернуться к реальности, убирает волосы за уши и кидает телефон в сумку.

Глава 8. Игорь

– Спасибо, – делает над собой усилие, и вновь эта полу-улыбка, от которой ее лицо преображается. – За все. Ты мне так помогаешь.

– Да было б за что, – фыркаю я, стараюсь отшутиться, чтоб она расслабилась хоть немного. – Вот если б ты пошла за меня замуж, и я отвез тебя на какие-нибудь Сейшелы, тогда да. Можно было бы и благодарить. Шучу я, чего ты.

– Боже, – она откашливается, глотает воду из стакана. – Мой муж тоже хотел отвезти меня туда, где яркое солнце, на медовый месяц. А в результате я спустила все деньги на бездомышей, и ему пришлось волонтерить в приюте вместе со мной. Ему надо было сразу уходить от меня. Да и Вика эта беременная.

А вот это новость. Меня кусает жесткая обида. То есть Дианка ей не нужна, а другой ребенок нужен? Просто отлично. Переплюнула сама себя.

– Ну ты дала, конечно, – давлю улыбку. – Но, должен сказать, с моей зарплатой моей жене не видать Сейшел как своих ушей.

– Игорь, – опять этот отчаянный взгляд, – вот что мне делать? Если я его завтра же не отпущу, она Макса посадит. И все равно дети у нас не выходят. Столько лет пытались, и ничего, – всхлипывает. – А там и страсть, и ребенок...

– Ну... Знаешь, я уверен в том, что жить из-за детей не надо, как и не жить из-за их отсутствия. Дети... – подбираю слова. – Ну блин, они в идеале никак не должны сказываться на отношениях мужчины и женщины. Не должны мешать, не должны помогать. Есть отношения между мужчиной и женщиной. А есть отношения между мамой и ребенком, папой и ребенком. И никто третий не должен лезть в эти прямые отношения между кем-то и кем-то. Любишь – не отпускай. Не любишь – отпускай. Просто все, если подумать.

– А если я не знаю, люблю или нет? – спрашивает, перегнувшись ко мне через стол.

– Тогда разбирайся в себе, и не вмешивай детей-плетей, – пожимаю плечами. – Между всеми должны быть границы, Алис. Попробуй разобраться. Знаешь, если между мужем и женой дерьмо, то никакие дети это не изменят.

– Наверное, ты прав, – отводит взгляд. – Но я так запуталась. словно спала все это время, а это все меня разбудило и показало, какая я жалкая... Как не могу его отпустить, просто потому что другого не знаю, и он единственный мой близкий человек.

– О, душа моя, я точно прав, – смеюсь я, вспоминая свой развод. – Расширай горизонты, в таком случае. Захочется вернуться в те отношения, вот и будет тебе сигнал, что ты его любишь. А не захочешь... Ну, тоже сигнал так-то.

– М, – она закусывает губу, зрачки все расширяются, словно она что-то вдруг поняла. – Слушай, я пришла не чтобы за

счет тебя ему отомстить. И клин клином тоже не вышибаю...

– Да брось, я не в обиде, если ты об этом. Даже, если это было бы так... – Красивая она. Красивая, и думается с ней про многое. Не евнух же я, в конце концов. – Давай доедай, немного осталось. И я тебе секрет открою, хочешь?

– Хочу, – через силу запихивает в себя еду. – Я тоже тебе открою.

– Давай, давай, – растягиваю последнее ребрышко, как могу. Жду, пока она доест и выиграет наше шуточное соревнование.

– Ну все, – откладывает вилку. – Кто-то сильно так подавался.

– Ты первая, – тычу в нее ребрышком, – секрет рассказываешь.

– Я влюбилась в Роя, – улыбается широко и по-настоящему. – Потому и пришла.

– Этот подлец всех девчонок у меня уводит, – смеюсь я. – Мой секрет покруче будет.

– Давай, – хлопает в ладоши, словно на миг забыв обо всех своих горестях. – Люблю секреты.

Не хочется ее расстраивать сейчас. Скажу чуть позже. Придвигаюсь и заговорщицки шепчу:

– Ты мне нравишься, и я бы хотел общаться с тобой и дальше.

– Я не могу жить без Роя, – шепчет в тон. Она так близко, что я чувствую запах ее духов, совсем легкий, свежий. –

Придется нам общаться теперь, Игорь.

– Я так рад, что он таскает меня за собой, как некрасивую подружку, – я тоже взрослый мальчик, как и Рой, но вообще не могу не смотреть на ее губы, прикладываю столько усилий, что пересыхает во рту.

– Ну ты загнул про некрасивую подружку, – касается моей щеки, совсем невесомо, показывает мне свой палец, а на подушечке ресница. – Загадывай желание.

– Хочу, чтобы мы поцеловались на следующем свидании, – дую на ресницу.

– Не сбудется, – качает головой и проводит пальцем по моей скуле. – Вслух сказал. Но ты мне поддался... Поцелуй сейчас.

Мне не нужно больше приглашений, и красной дорожки не нужно. Было бы можно, я бы не только поцеловал ее. Но не время. Она хорошая девочка, с ней так нельзя. Но удержать себя все же не так-то просто.

Врезаюсь в ее губы поцелуем, запутываясь пальцами в волосах на затылке, притягивая ее к себе, проскальзывая в ее рот языком. Она так пахнет, такой вкус... Даже перебивает вкус наперченной еды, которую я все же уговорил ее съесть. Сладкая, терпкая...

Отвечает на поцелуй, обхватывает мою шею рукой. Она так близко, что я кожей чувствую, как колотится ее сердце. Так же отчаянно, как и мое. Отпускаем друг друга, только когда уже нечем дышать.

– Стой, душа моя, – выдыхаю, стараюсь не обращать внимания на дискомфорт. – Не остановлюсь потом и увезу к себе. А это прилично не раньше четвертого свидания.

– Даже этот поцелуй – это неприлично. Я же еще замужем, – отодвигается от меня. – Просто ты мне тоже нравишься.

Беру ее стул за ножку и двигаю обратно вместе с ней.

– Ага, замужем, да, – сейчас было бы вовремя сказать ей. Чтоб не думала потом, что я специально. – Еще один поцелуй можно? И я тебе еще кое-что сказать должен.

– Ты решил вернуться к бывшей? – шепчет мне в губы. – Или многоженец?

– Фу, нет, ты что, – целую Алису, сжимаю ее ладонь исключительно, чтобы удержаться и не положить руку на ее коленку.

Сжимает мои пальцы почти до боли и целует сама. Неловко, неуклюже, но... искренне, что ли, с какой-то почти подростковой, такой забытой страстью.

Хочу увезти ее домой. Прямо сейчас. Эта мысль стучит, почти забывая все остальные.

– Алис, – наконец выдыхаю я. – Мне кажется, что...

– Почему ты обжимаешься с этой блаженной? – взвизгивает рядом до боли знакомый голос. – А ты, бледная моль, чего забыла рядом с моим мужем? Отомстить решила, курица?

Прикрываю глаза. Раз. Два. Три. Мы не посылаем бывших

жен. Нет.

– Ну вот, собственно, то, что я хотел тебе сказать, – виновато смотрю на нее. – Здравствуй, Вика, сбавь тон, пожалуйста.

Глава 9. Алиса

Смотрю то на это орущее чудовище, то на Игоря, чувствую, как меня забирает панической атакой – не могу дышать и двигаться.

Это, что, какой тупой розыгрыш? Они сговорились, и он ее позвал? Да таких совпадений просто не бывает!

– Я пойду, – с трудом встаю, хватаясь за край стола. – Совет да любовь.

– погоди, я с тобой, – поднимается Игорь, подхватывая свою куртку. – Рой, охранять. Ты, Вик, кстати, опять нарываешься на скандал с адвокатом Вити, – бросает, зыряка на свою бывшую жену. – Был договор, что ты не будешь с ним пытаться говорить без него.

– Ты тоже нарываешься, дорогой, – тычет в нас пальцем и прет как на танке эта мегера. – Хотя стой... Уже нарвался! И не смей мне указывать, что делать! Лучше скажи, какого хера ты с этой дурочкой дефективной забыл?

– Пф-ф, – закатывает глаза он. – Ладно. Хоть раз бы похорошему, – наручники оказываются в его руках быстрее, чем я успеваю моргнуть. – Кудряшова Виктория Сергеевна, вы арестованы за оскорбление сотрудника полиции, а также за нанесение морального ущерба гражданке... Как тебя по фамилии? – оборачивается ко мне.

– Вересова Алиса Алексеевна, – на автомате отвечаю я,

шокированная тем, что происходит, даже больше, чем внезапным появлением любовницы мужа.

– Ага, гражданке Вересовой Алисе Алексеевне, – продолжает как ни в чем не бывало. – Ну и главное, конечно, за нарушение судебного запрета. Витя рассказал, что позавчера был суд. Тебе запретили к нему приближаться. Все, Вик, давай. Поедешь в отделение, остынешь там.

– Ты не посмеешь, Громов, – шипит она разъяренной кошкой на раскаленной крыше. – Руки убрал. Никуда я не поеду. С тобой так уж тем более.

– Ну как я могу не посметь? Где я, а где закон? – пожимает плечами Игорь, так защелкивая на ней наручники. – Что я могу против него-то? Давай, не устраивай тут еще большее шاپито. Со мной, конечно, не поедешь. Делать мне больше нечего, как таскать по участкам всяких нарушителей. Парням тебя сейчас сдам, и все. А то у меня обед еще. Алис, погоди секунду, ага? Сейчас избавим Витю от моей, к счастью, бывшей благоверной, а по совместительству адвоката истца по тому делу, про которое я тебе рассказывал. Брат покойной Витиной жены никак не угомонится вместе с этой... “прекрасной” женщиной.

– Хорошо, – киваю я, опять взглянув украдкой на это чудовище, которое вся раскраснелась и пытается сдуть растрепавшиеся волосы со лба.

– Что уставилась, чучело ты болезное, блаженное и вечно зачуханное? Отомстить решила? Так от тебя и такой приду-

рок, как мой Громов, сбежит.

Мои пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки, я хватаю воздух крупными глотками. Никогда не чувствовала в себе такой злости. Аж ударить ее захотелось.

– Вик, заткнись, а? – говорит Игорь, что-то клацая на телефоне. – Не слушай ее, Алис, она... очень своеобразный человек. Не надо переживать даже, честно.

Оттаскиваю себя от нее усилием воли – не хочу при Игоре вести себя так же, как эта. Киваю ему и иду к бару, просто чтобы выдохнуть без посторонних глаз.

– Лис? – голос Макса камнями бьется в спину. – Ты... Не хочешь поговорить?

– О чем? – злость неожиданно сменяется усталостью. – О том, что ты опять будешь поздно? Да и вообще, иди, спасай свою Викторрию Сергеевну.

Перед глазами опять всплывает все то, что между ними было, и становится так противно, что к горлу подкатывает тошнота. Точно назначил с ней здесь встречу, а меня опять дурит.

– Я обедаю здесь всегда, – Макс подходит ближе, присаживается рядом на барный стул. – Ты встречалась с мужем Вики? Зачем? Чтобы рассказать ему? Так они в разводе почти год уже.

– Встречалась, – огрызаюсь. – Только я не настолько осведомлена обо всех подробностях ее личной жизни. Но раз она свободна, – снимаю с пальца кольцо и кладу его на полиро-

ванную поверхность перед ним, – можешь идти к ней с предложением. Успеешь сводить в ЗАГС, пока живота не видно. У нас детей нет, разведут быстро, могу пошлину оплатить, – меня вдруг прорывает. Я все говорю то, что сдерживала глубоко внутри почти двое суток, и не могу остановиться. И мне все равно, что раню его.

– Лис... Зачем ты так? – Он дотрагивается до моего кольца кончиком пальца, чуть сдвигая в мою сторону. – Сейчас все сложно, да, но мы можем попытаться все исправить. Ты встречалась с Громовым, чтобы изменить мне в отместку? Я не злюсь, я понимаю твое желание сделать мне так же больно, как я тебе. Детка, давай поговорим.

– Ничего ты, Максим, не понимаешь! – ору я на все кафе, и первый раз в жизни мне не стыдно за то, что повела себя так, как неудобно другим. – О чем нам говорить? Расскажешь, как вы с ней сделали ребенка? Так она мне показала в деталях, – достаю свой телефон, нахожу нашу с ней переписку. – Она мне три дня дала. Отпускаю! Иди к ней, а то засудит, она же еще и адвокат. Не нужно из-за меня за решетку. Иди, Макс, оставь меня уже, – роняю лицо в ладони, глотаю судорожные всхлипы.

Я просто хочу, чтобы он ушел. А она – прекратила все это делать со мной.

– Да почему ты решаешь за меня, куда мне идти? – чуть заводится он, повышает голос. – Я хочу быть с тобой, я понимаю, насколько виноват перед тобой. Или что, с судом и

проблемами я тебе не нужен? Так выходит?

– Алиса! Вот ты где, – Игорь подходит неожиданно, укладывает ладонь мне на плечо. – Там Рою помощь нужна. У него стресс. Пойдем?

– Я разговариваю со своей женой, – цедит зло Макс. – Убери от нее руки.

– В диалоге классно, чтобы еще с тобой разговаривали, – хмыкает Игорь. – Мне-то про жену и руки не рассказывай, герой.

– Макс, я не могу, – тихо проговариваю я, встав между ними. Еще драки не хватало. – Сейчас понимаю, что не могу. У меня перед глазами ты с ней. От тебя все равно несет ее духами, сколько бы ты ни мылся. Прости, не могу, просто не могу. И дело не в проблемах...

– Ну ты же понимаешь, что он просто мстит нам с ней, – бросает Макс и тут же затыкается.

До меня, дуры, вдруг доходит, что он все мне врал. Не случайный это пьяный перепихон, и длится эта связь не два месяца. А эта Вика права: я блаженная. Я идиотка, от которой муж гуляет чуть ли не годами, а она ему стелет постель и ни черта не замечает.

– Он мстит, потому что застукал вас на горячем гораздо раньше меня? – тыкаю ему в грудь пальцем. – Так это длится всего пару месяцев, да, любимый? Или все те два года, пока я по ЭКО хожу?

Глава 10. Алиса

Мне так обидно, что грудь просто сминает болью. Где были мои глаза? Как я не чувствовала от него чужого запаха? Да он продолжал спать со мной как ни в чем не бывало!

– Лис, все не так, – Макс опускает взгляд, но я слишком давно его знаю, чтобы не понимать, что муж лжет. – Это все несерьезно, клянусь тебе.

– Пойдем, – ладонь Игоря проскальзывает от одного моего плеча по ключицам до другого, и он прижимает меня спиной к своей груди. Вовремя, потому что я почти теряю почву под ногами. – Не надо из-за этого переживать. Все ерунда.

– Убери от нее руки! – взвизывает со стула Макс. – Ты же спокойно все перенес, как она говорила, зачем ты сейчас это делаешь?

– Больные оба, – бурчит Игорь и утягивает меня за собой. – Кто ж вам виноват, что вы через дерьмо только на все смотрите.

– Я поживу у подруги, – бросаю через плечо. – Животных заберу, на развод подам сама.

Хватаюсь за Игоря и иду, не чувствуя под собой земли. Глупая дура, почти поверила ему.

– Чего расстроилась, душа моя? – он поглаживает мои пальцы. – Сволочи – неотъемлемая часть жизни. Все пройдет, будешь вспоминать и даже хохотать над всем этим сю-

ром.

– Игорь, а вы с Роем сейчас заняты? – спрашиваю, прижавшись щекой к его плечу. – На службе, да?

– А мы с Роем можем взять тебя с собой, если ты кое-где не против недолго посидеть в машине, – лукаво подмигивает мне Громов.

– Не против, – улыбаюсь вымученно. – Лишь бы их там не появилось.

– Да, неудобно вышло, но что ж теперь. Мы же не позволим этому испортить нам настроение?

– Ты, наверное, думаешь, что я полная идиотка, что ничего не замечала, пока она не стала мне слать фото и видео?

– Нет, Алиса, не думаю, – пожимает плечами он. – Мы же люди всегда на лучшее надеемся, поэтому на плохое не смотрим. Не бери в голову.

– Поехали, да? – треплю Роя по голове.

Мне вдруг становится так легко и хорошо, словно вместе с Максом и этой Викторией я оставила позади все свои горести, всю тяжесть, которая давила на плечи.

– Я машину оставил дальше по улице, здесь ставить нельзя, – берет меня за руку Игорь. – Пройдемся?

– Конечно, – киваю, сплетая наши пальцы. И если уж совсем честно, я бы хотела, чтобы это была очень длинная прогулка. – Спасибо тебе.

– За что? – поглаживает мою ладонь большим пальцем, словно успокаивая.

– За чудесную компанию, – улыбаюсь ему. – И за шерсть Роя на моем платье... И за поддержку.

– Рой, слышал, кому-то нравится твоя шерсть, а? – смеется Игорь. – Это стоит твоего фокуса, как думаешь? Давай покажи, не стесняйся. Человек! – командует мужчина, и Рой, идущий рядом со мной, поднимается на задние лапы и даже делает пару шагов, прежде чем опуститься снова на все четыре. – Молодец какой!

– Вау, – выдыхаю я и чешу пса за ушком. – Какие фокусы у вас еще есть в запасе? – спрашиваю вконец очарованная.

– Не все сразу, душа моя, – усмехается Игорь, – не заставляй меня вытаскивать раньше времени всех тузов из рукавов.

– Хорошо, – разыгрываю притворное расстройство. – Кстати, я должна как минимум пригласить тебя на кофе за то, что заткнул это чудовище, – запинаясь, прикусываю себе губу. Все же она мать его дочки. – Прости.

– Она... Непростой человек, да. Даже слишком, наверное, – смотрит задумчиво вдаль Игорь. – Но, мне кажется, она не всегда была такой. Или я был молодой, глупый, и не замечал очевидного.

– Я понимаю Макса, – вздыхаю, опять ощутив эту горечь, которая выплеснулась в кровь. – Она дает ему эмоции, а со мной их нет. Со мной скучно. Я же вся со своими и не своими хвостиками, даже краситься последний год перестала, стала одержимой...

– Алис, всякое бывает, – пожимает плечами. – Мне тоже в какой-то момент не хватало внимания жены.

– Как ты о них узнал? – спрашиваю неожиданно для себя. Хочу послушаться, хочу побыстрее этим переболеть.

– Случайно, – хмыкает Игорь. – А может, и не очень.

– Давно? – Блин, ну зачем я копаюсь в своих и его ранах?

– Чуть больше года назад. Он часто бывал у нас дома на ужинах. Хотел пристрелить, а потом даже морду не набил. Кому бить? Не ей же. А он как бы мне любви до гроба и не обещал. Забрал дочку, уехал. От матери квартира осталась. Так и живем.

– Чуть больше года, – повторяю с болезненной усмешкой. – Как же можно было быть такой дурой. Он клялся, что это пьяная случайность, что два месяца назад все закрутилось.

– Счастливые часов не наблюдают, – пожимает плечами он. – Слушай. Кажется, где-то скрипка? Это из мультика песня. Из “Анастасии”. Помнишь?

– Помню, – отвечаю, прислушавшись.

Вместе с музыкой в мой скорбный мир проникает тепло его пальцев, сплетенных с моими, и запах цветущих яблонь и вишен, сладкий, дурманящий голову. Я вдыхаю полной грудью, делаю шаг навстречу новой яркой реальности.

– Помнишь слова? – Игорь тянет меня за руку все ближе к источнику звука. – Вальс кружил и нес меня, словно в сказку свою маня... Умеешь танцевать? Я с последнего звонка еще

ПОМНЮ.

– Ты невероятный, – внезапно признаюсь я и смотрю на него как замороженная.

Принц из сказки в реальном мире. Алиса, ты попала в сказку, и она нестрашная.

Отступает от меня на шаг, не обращая внимания на прохожих, делает одной ногой шаг в сторону, и склоняет голову, заложив руки за спину.

– Позвольте вас пригласить, – улыбается он.

– Позволяю, мой прекрасный принц, – протягиваю ему руку и вкладываю пальцы в надежную ладонь.

Игорь легко перехватывает меня, удерживая на уровне лопаток, и увлекает в головокружительный вальс по малому кругу.

– Я уже говорил, какие красивые у тебя глаза?

– Я не помню, – улыбаюсь, а сама тону в его невероятных глазах, не чувствую под собой твердой почвы – просто летаю. – Я отдавлю тебе все ноги, прости.

– Не отдавишь, – улыбается он. – В нашем одиннадцатом классе сто лет назад я был лучший танцор, да. Так что держись.

Он прижимает меня чуть крепче, увлекая на большой круг, в каждой точке разворачиваясь почти на сто восемьдесят градусов. Все кружится и плывет, аромат цветов окутывает нас с ног до головы, вместе с удивительной музыкой, и все вокруг превращается в одно большое смазанное пятно.

Все, кроме его лица.

– Был и есть, – доверяюсь его заботливым, ласковым рукам, таким же ласковым, как и это словно устаревшее, но такое согревающее обращение: “душа моя”. – Она такая дура, что тебя потеряла.

– Он такой дурак, что потерял тебя, – вторит он мне.

Музыка стихает, сменяется другой, не вальсовой, и мы замираем вместе с ней. Какие-то люди аплодируют нам, и Игорь выделяет шуточный, но грациозный поклон.

В реальный мир меня возвращает вибрация телефона в кармане. Выуживаю его, смотрю на экран. Сообщения от Макса. Даже читать не хочу, но на экран вылетают какие-то сфотографированные больничные бланки. Смотрю на них, ничего не понимая, когда выскакивает уже текстовое сообщение от него: “Результаты анализов пришли. Мы смогли. У нас будет ребенок. Возвращайся, Лис.”

Глава 11. Алиса

Какое-то время я молча пялюсь на сообщение, листаю анализы, но ничего не вижу и не могу врубиться в происходящее.

“Возвращайся”. К кому и куда я должна вернуться? А главное – зачем?

Ребенок. У нас будет ребенок. Если бы не все то, что произошло, я бы уже до потолка прыгала. А теперь... Да, что теперь? Теперь у меня будет ребенок. Не у нас. Только я и он.

Инстинктивно прижимаю руку к животу, словно пытаюсь удостовериться в том, что все верно. Ничего не чувствую. Какое-то тупое, холодное онемение, от которого мурашки по спине.

Ноги не держат, и я пытаюсь уцепиться за руку Игоря, с трудом запихиваю телефон обратно в карман.

– Алис, что случилось? – Он сплетает наши пальцы, второй рукой придерживает меня за плечо.

– Случилось, – киваю, стараясь не отключиться от реальности. Нельзя теряться. – Почему сейчас? – смотрю на него, хотя это чуть ли не последний человек, у которого нужно такое спрашивать. Да и никто мне на этот вопрос не ответит. – Столько лет ничего, и сейчас вдруг получилось.

– Это же хорошо, – после недолгого молчания говорит он. – Это не проблема, ты понимаешь?

– Я уже ничего не понимаю, – нервно усмехаюсь. – Но я к нему не хочу. Не могу...

– И не надо, – пожимает плечами Игорь, осторожно подбирает слова. – Мы же не в средневековье живем, Алис, все сейчас проще.

– Мне так неудобно перед тобой, – смотрю на него, понимаю, что уйдет от меня, но отпускать не хочу. Я его почти не знаю, но сейчас ближе Игоря у меня никого нет. – Пригласил девушку на свидание, а у нее ворох проблем.

– А у меня их меньше, что ли? – хмыкает он, осторожно, словно спрашивая разрешения и давая мне время отстраниться, притягивает меня к себе. – Дочь-подросток, живу с ней и собакой, работа опасная, и времени забирает кучу, с бывшей воюю даже по работе до сих пор.

– У меня куча животных, – со вздохом перечисляю, – скоро будет ребенок. У меня нет работы, и квартира тоже его, так что... Я, кажется, имею куда больший багаж, который делает меня так себе спутницей жизни. И да, почти бывший у меня тоже есть...

– Ты меня отговариваешь сейчас? – усмехается Игорь, заглядывая мне в лицо.

– Отговариваю от чего? – сжимаю его пальцы сильнее.

– Ну не знаю, от чего ты там себе напридумывала, – приподнимает мою ладонь, складывает наши руки домиком почти на уровне моих глаз.

– Ты мне нравишься, – признаюсь честно. – Мне давно ни

с кем не было так хорошо.

– Мне тоже, – улыбается Игорь. – Нравишься, и хорошо. Ты не думай, что я... часто так. Нет. И после Вики не до того было, с ней, конечно, совсем не до того. Да и потом... С ментом-то тоже жить или даже просто встречаться никто не хочет особо. Все хотят банкиров. А я уже как-то и не так в ком-то нуждался, чтобы кому-то что-то доказывать, прыгать выше своей головы и бросать дело, которым занимаюсь всю жизнь. Да и нравится мне моя работа. С тобой я ее не стесняюсь, что ли.

– Тебе и Рою нужно своей работой гордиться, – проговариваю я, повернув к нему голову и улыбнувшись. – А банкиры... знаешь, мы были счастливее, когда были студентами, или когда он был простым клерком.

– Счастье в мелочах, – чуть касается кончиком носа моей щеки. – Я сильно комплексовал из-за своей работы и зарплаты, когда Вика ушла. И ничего не делал. Думал, вот тюфяк, даже не могу задницу свою поднять, чтобы денег заработать, чтобы хватало семье так, как того нужно. А потом подумал, что мне же все нравится. И денег с дочкой нам хватает, и Рой голодный не ходит. Почему должно быть стыдно за то, что любишь?

– Не должно, – киваю, вспомнив чем сама занимаю все свое свободное время. – Вероятно, потому он и выбрал ее. Наверное, тоже было стыдно за вечно зачуханную жену, которую проблемы бездомышей заботят больше, чем собствен-

ный муж.

– Не наговаривай, – его ладонь ложится мне на талию, бережнее, чем в первый раз, придвигает меня к себе так, что я чувствую твердость его тела. – Можно нищий мент поцелует не зачуханную, но уставшую женщину?

– Не наговаривай, – выдыхаю его же фразу, обнимаю скулы пальцами и сама касаюсь его губ своими.

Он сдерживает себя, но я всем телом чувствую его страсть. Прижимает меня к себе все крепче, проскальзывает языком по моим губам, шумно втягивая носом воздух.

Я отчаянно хватаюсь за его шею, отвечаю на поцелуй и чувствую тех самых бабочек в животе. А может, и не все так плохо. У меня будет ребенок, и Игорь рядом, а с ним так хорошо, так спокойно, словно всю жизнь его знаю.

– Громов! – окликает мужской голос, и Игорь резко оборачивается.

Все так быстро, что я ничего не понимаю. В одно мгновение происходит сразу несколько вещей: Игорь толкает меня на асфальт, рывкает Рою: “Защищать!”, и собака прыгает прямо на меня, накрывая своим лохматым телом. Еще в полете я словно в каком-то западном блокбастере замечаю, как у мотоциклиста в непроницаемом черном шлеме и такой же черной куртке, притормозившего рядом, в руке оказывается настоящий пистолет. Хлопок, оглушительный, страшный, раздается уже когда Рой полностью перекрывает мне обзор.

Кто-то кричит. Орут про скорую и что-то совсем ужасное:

– Убили! Ой, убили! – визжит какая-то женщина.

Звук двигателя мотоцикла удаляется обратно пропорционально тому, как нарастает этот панический шум. Рой дышит тяжело, чувствую, как дрожит собачье тело, а потом спрыгивает с меня, бросается куда-то. Поднимаюсь, как в страшном сне. Какой-то мужчина спрашивает так настойчиво:

– Вы в порядке? В порядке? Встать можете?

Киваю, и с ужасом гляжу на скулящего Роя, облизывающего лицо неподвижно лежащему Игорю. Одна лапа пса вымазана в чем-то ярко-алом. Кровь!

– Боже, боже, – бормочу себе под нос, снова падаю на колени, почти подползаю к нему, обдирая кожу об асфальт. – Игорь, ты держись, я сейчас помощь позову.

Дрожащими пальцами раза с третьего набираю нужный номер, смотрю как начинающийся холодный, противный дождь оставляет на асфальте темные крапины, падает ему на куртку, размывает кровь, и ее становится еще больше.

Я вызываю скорую, что-то там лепечу, чтобы поторопились, а мне говорят, что бригада уже едет. Я роняю телефон на колени, склоняюсь над ним, закрывая собой от дождя, глажу пальцами холодную кожу на лбу, пытаюсь вспомнить хоть одну молитву, пока Рой тыкается носом мне в плечо.

Дергаюсь от странного звука. До меня не сразу доходит, что это звонит мой собственный телефон.

– Да, – зачем-то принимаю вызов, даже не посмотрев, кто звонит.

– Лис, ты где? Я сейчас приеду за тобой, – голос Макса в трубке кажется инородным, неправильным.

Конец ознакомительного фрагмента

Ознакомительный фрагмент является обязательным элементом каждой книги. Если книга бесплатна – то читатель его не увидит. Если книга платная, либо станет платной в будущем, то в данном месте читатель получит предложение оплатить доступ к остальному тексту.

Выбирайте место для окончания ознакомительного фрагмента вдумчиво. Правильное позиционирование способно в разы увеличить количество продаж. Ищите точку наивысшего эмоционального накала.

В англоязычной литературе такой прием называется Клиффхэнгер (англ. cliffhanger, букв. «висящий над обрывом») – идиома, означающая захватывающий сюжетный поворот с неопределённым исходом, задуманный так, чтобы зацепить читателя и заставить его волноваться в ожидании развязки. Например, в кульминационной битве злодей спихнул героя с обрыва, и тот висит, из последних сил цепляясь за край. «А-а-а, что же будет?»

Глава 12. Алиса

Я смотрю, как загорается дисплей телефона Игоря, который выпал из кармана и валяется рядом, высвечивается контакт: “Дочь”. В голове столько мыслей. Как я оставлю Роя? И с Игорем я должна быть. И дочка его одна – мамаше ведь не нужна.

– Не надо за мной приезжать, – отвечаю, едва сдерживая всхлипы, прислушиваясь в надежде услышать поблизости спасительную сирену.

– Алис, – едва различаю тихое.

– Я здесь, – склоняюсь над ним, боюсь случайно задеть и сделать хуже. – Они уже едут... нужно только немножечко потерпеть.

– Терплю, все хорошо, – я прямо вижу, как ему трудно фокусироваться. – Роя корми, пожалуйста... И Дианка дома.

– Рой не пропадет, – отвечаю скороговоркой, очень аккуратно беру его за руку. – Ты не переживай ни о чем. Я пригляжу за твоей дочкой, ты только... – начинаю реветь как дура, когда в голове всплывает это холодное, мерзкое слово. – Ты, Игорь, держись.

– Ну чего ты? Я... – он не договаривает, прикрывает глаза. Нет, только не это, нет!

– Игорь, – зову я, уходя в истерику. Тормошу его за руку. Меня оттаскивают какие-то люди, а потом, наконец,

сквозь шум дождя и мои собственные крики прорывается та самая сирена.

Оборачиваюсь и словно в замедленной съемке вижу, как из кареты скорой помощи выбегают медики, начинают суетиться вокруг Игоря, перекладывают его на носилки.

– Я с вами поеду, – хватаю одного из врачей за рукав.

– А вы кто ему? – холодно спрашивает медик.

“Я ему никто” – загорается в голове, но вслух я неожиданно даже для самой себя выдаю другое: – Жена.

– Давайте, – кивает он на машину скорой помощи. Перебрасываются друг с другом терминами непонятными и страшными, и единственное, что я поняла точно, что Игорь не умер. И это уже заставляет меня хотя бы немного вздохнуть.

Мы усаживаемся в машину, врачи к чему-то подключают его, что-то плачет, давление ему меряют, что-то колют в вену, разрезав куртку прямо на теле. Меня теснят почти к задней двери, чтобы не мешала.

– Ты только живи, – бормочу еле слышно вместо слов молитвы. Стараюсь постоянно смотреть на него, выцеплять бледное лицо Игоря между мелькающими, закрывающими обзор спинами медиков. – Только живи, пожалуйста.

Я закусываю костяшку пальца, чтобы вновь не зарыдать в голос. Почему так? Почему с хорошими людьми всегда случается плохое?

Машина мчит на бешеной скорости, и меня начинает под-

ташнить. Нужно посмотреть в окно – обычно помогает от укачивания. Оборачиваюсь, гляжу на заполненную автомобилями дорогу сквозь грязные стекла задней двери и охаю: темная тень мчится следом. Обгоняя притормаживающие и сигналижащие машины, вывалив язык, промокнув насквозь под дождем и не обращая внимания на лужи и опасность на проезжей части, сбивая в кровь лапы, за скорой несется Рой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.